

А.Д. Седельников – забытый исследователь «Повести временных лет»

© А.Ю. ЖИГАЛОВ

Статья содержит описание и анализ концепции А.Д. Седельникова (об одном фрагменте «Повести временных лет») – забытого советского медиевиста, публиковавшегося в Чехословакии между двумя мировыми войнами, репрессированного в середине 30-х годов прошлого века по «Делу славистов» вместе с В.Н. Перетцом, Н.Л. Туницким, В.Ф. Ржигой и другими исследователями древней русской литературы.

Ключевые слова: Чехословакия 1920–1930 годов, медиевистика, история изучения древнерусской литературы, летописание, «Повесть временных лет», легенда об апостоле Андрее, А.Д. Седельников, «Slavia», «Дело славистов».

Имя *Александра Дионисьевича Седельникова* (1888 – 1934) сегодня полузабыто... «Талантливый, но рано умерший исследователь», – говорил о нем Д.С. Лихачев [1. С. 51]. Он «был весь погружен в древние рукописи», – вспоминал коллегу славист П.С. Кузнецов [2. С. 30].

Седельников родился в Иркутске, в 1915 году окончил историко-филологический факультет Московского университета, а спустя пять лет начал работать в отделе рукописей Государственного исторического музея, целиком посвятив себя любимому делу – изучению древнерусской литературы.

Талант его был, действительно, многогранен: он анализировал «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Задонщину», древнейшие летописи и памятники XV–XVI веков, исследовал католическое влияние в Новгороде и деятельность доминиканцев на Руси, писал о стригольниках, занимался проблемами методологии в медиевистике и т.д.

Ученый сотрудничал со многими славистическими журналами, как отечественными, так и зарубежными, в том числе – с чехословацкими «Славией» и «Византинославикуй», выходившими в Праге и являвшимися главной трибуной для русских филологов-эмигрантов.

В 1924 году на страницах журнала «Slavia» («Славия») была опубликована статья А.Д. Седельникова «Древняя киевская легенда об апостоле Андрее» [3], посвященная известному сказанию о посещении Руси Андреем Первозванным: генезису этого рассказа, памятникам, в составе которых он сохранился, их соотносительной хронологии.

Задавшись вопросом о происхождении легенды, Седельников пришел к выводу, что ее «первый след содержится» в одном из посланий византийского императора Михаила VII Дуки (1050 – около 1090) князю Всеволоду Ярославичу (1030–1093). Последний принадлежал к числу самых образованных людей своего времени. Неслучайно его сын, Владимир Мономах, в «Поучении детям» замечал, что отец, «дома сядя, изучаеше 5 язык, в том бо честь есть от инех земля» [4. С. 102]. Возможно, именно знание иностранных языков позволило русскому князю вести переписку с византийским императором.

Сославшись на работы В.Г. Васильевского (основателя отечественного византиноведения), Седельников в качестве аргумента пересказал фрагмент письма 1075 года, приводимого Васильевским: «Наши государства оба имеют один некий источник и корень... Одно и то же спасительное слово было распространено в обоих... Одни и те же самовидцы божественного таинства и вещатели провозгласили в них слово Евангелия» [5. С. 11]. «Самовидцы божественного таинства» – это, по мнению исследователя, ученики Христа, свидетели его воскресения. Седельников замечал, что прямого указания на апостола, посетившего Русь, в послании нет, но есть косвенное, называл упоминание «несколько глухим» (316), но при этом подчеркивал: «Оно несомненно имеет в виду Андрея – единственного, деятельность которого самую греческою традицией относилась и к Византии, и к северному побережью Понта» (316), то есть и к Русской земле. Письмо императора лишь затрагивает древний сюжет и, безусловно, не может являться его источником. С этим ученый соглашался.

Откуда же почерпнул сведения об «одних и тех же вещателях» евангельской проповеди Михаил VII Дука? По мысли Седельникова, правитель Византии мог быть знаком с поздним греческим циклом «Деяний» апостола Андрея (VIII – X века), «характерных, сравнительно с более древними, как раз распространением деятельности Андрея на северное побережье Понта» (327). Именно это произведение автор статьи называл источником киевской легенды. Он предполагал также, что обращение Михаила к хождению Андрея на Русь в послании князю оказалось не случайным. Напротив, цель подобной аллюзии была политической: император ратовал за укрепление отношений между Византией и Русской землей. Седельников писал: «Внушения василевса попали в благодарную среду» (328). В доказательство исследователь приводил «факт построения андреевских церквей при Всеволоде Ярославиче» (328).

В благодатную почву средневековой русской книжности попало и краткое упоминание составителя «Деяний» о проповеди апостола на северных берегах Понта. Сюжет о путешествии Андрея получил развитие и нашел отражение в различных литературных памятниках. Во-первых, легендарный рассказ читается в начале «Повести временных лет» (далее – «Повесть»), во-вторых, – в Прологе, в житии святого Андрея Первозванного, и, наконец, – в составе нескольких сборников (начиная с XVI века). Следовательно, выделяются три основные редакции древнего сказания. По мнению ученого, они таковы: 1) *летописная редакция*, 2) *проложная* (пополненная) *редакция*, 3) *редакция сборников* (полная). Науке известны и другие варианты хождения апостола Андрея на Русь, однако Седельников называл их «переделками» и замечал: «Эти поздние версии... баснословны, часто искажают... летописный текст и вообще малозначащи в вопросе о происхождении... легенды» (317).

Проблема генеалогии и соотносительной хронологии трех редакций, действительно, представлялась медиевисту одной из главных. К ее решению Седельников подошел, применив сравнительно-исторический метод академика А.А. Шахматова. Автор статьи полагал, что летописная редакция старше проложной и приводил целый ряд аргументов. Описание пути из Варяг в Греки, с которого начинается легенда об Андрее, содержится во всех ее вариантах. Но его первоначальным источником может быть только «Повесть»: подобное вступление «решительно не отвечает литературному облику Пролога» и, напротив, «вполне в духе географо-этнографических сведений, рассеянных... в пределах “Повести временных лет”» (317-318). Исследователь видел в этом известии средство «приспособления легенды к летописному рассказу» (318), своеобразный «мост», соединяющий разные в жанровом и стилевом отношении фрагменты «Повести» – сообщение историко-географического характера, по сути, емкую и точную справку, и христианскую легенду, развернутую и во многом символичную.

Почему в качестве вступления к сказанию – очевидного, хорошо различного в структуре текста «соединительного звена» – летописец использовал описание знаменитого пути из Балтийского моря в Византию? Седельников писал: «Говорить о пути из Варяг в Греки, якобы по поводу племени Полян, понадобилось не для чего иного, как для мотивировки того, почему ап. Андрей шел через Русь; действительно, предвосхищая легендарный апостольский маршрут, вступление говорит, что по морю Варяжскому идти можно даже и до Рима, и опять придти в Понт море» (318). Анализ отдельных слов и выражений, а также летописного фрагмента в целом позволил ученому заключить: «Вступление в легенду неразрывно с нею самой... Вся его роль – связывать ее с летописным рассказом о племенах... *Летописная редакция является источником проложной*» (318). Здесь и далее курсив наш. – А. Ж.). Подобную

ситуацию, когда летописная запись первична по отношению к другим произведениям, исследователь считал типичной «для древнейшей литературной поры» и приводил в качестве примера известную триаду – памятники Борисоглебского цикла. Ученый объяснял это «литературными преимуществами» летописания: объемом, авторитетом и преемственностью (318-319).

Летописное известие в составе Пролога видоизменилось. Прежде всего, речь идет о взаимном расположении в тексте памятника собственно легенды об Андрее и вступления к ней, описывающего древний маршрут. Седельников установил: если в «Повести» вступление, выполняя свою прямую функцию, находится непосредственно перед рассказом о путешествии апостола, то в Прологе сказание об Андрее разделяется сообщением о пути из Варяг в Греки на две части. Это можно представить схематично – «Повесть»: Вступление + Легенда + Пролог: Легенда (начало) + Вступление + Легенда (окончание). Исследователь подчёркивал: «Текст легенды явно разорван вступлением к ней же (незначительно урезанным с начала и конца)... Эта перестановка убеждает во вторичности проложной редакции сравнительно с летописной» (319).

Действительно, в «Повести» вступление к легенде играет строго определенную роль – вводит сказание в состав летописи – оказаться на другом месте оно просто не может. В Прологе же, сотканном из отдельных микропроизведений, известие о пути из Варяг в Греки утрачивает свое значение, а вместе с тем и прежнюю позицию в тексте. Оно здесь в принципе излишне, и книжник механически помещает его в середину легенды. Ученый выделял еще целый ряд отличий двух редакций. С одной стороны, в проложную версию не был включен сюжет о новгородских банях, выходящий за рамки традиций агиографии, с другой стороны, в финале краткого произведения появились сообщение о смерти апостола и обычная для Пролога похвала святому, которых не было в летописи. Седельников резюмировал: «Анекдотический эпизод... оказался для Пролога неприемлем, и наоборот, заключительная похвала была всецело в духе расширяемого сборника кратких житий – и она была присочинена» (320).

Проложная редакция стала источником для третьей версии христианской легенды об апостоле Андрее, читаемой в составе различных сборников. Рассмотрев один из них (Псковский сборник самого начала XVI века), А. Седельников пришел к выводу, что найденный им текст отличается от проложного «главным образом прибавками пояснительного характера или же сделанными для вящей торжественности» (320). Похвала святому, добавленная к летописному известию составителем Пролога, в Псковском сборнике оказалось расширенной: «Вместо трех – целых десять славословий» (320). Кроме того, в конце новой редакции появилось краткое поучение, не знакомое ни «Повести», ни Прологу,

что позволило назвать вариант легенды, представленный в Псковском сборнике, наиболее полным, сравнительно с предшествующими версиями. На основе этих фактов исследователь заключил: «*Зависимость полной редакции от проложной, а не обратная... вне сомнений*» (321). При этом А.Д. Седельников вступил в дискуссию с фольклористом А.В. Марковым, который также изучил различные списки древней легенды и выдвинул прямо противоположную гипотезу.

Концепцию А. Седельникова, связанную с генеалогией сказания о посещении апостолом Руси, можно представить в виде несложной схемы: летописная редакция (краткая) → проложная редакция (пополненная) → редакция сборников (полная). Установив таким образом последовательность возникновения трех разных вариантов (прежде всего, на основе результатов сравнительного анализа текстов легенды), исследователь обратился к определению времени их появления. И если период формирования редакции сборников был хорошо известен науке – первая четверть XVI века, то хронология начальной летописной и промежуточной проложной версий вызвала противоречивые суждения.

Седельников полагал, что *редакция Пролога «тяготее к первой половине XIII века»* (322). По мнению ученого, на это указывал ряд важных деталей. В Прологе краткого состава (XII в.) легенды об апостоле Андрее нет, а в Прологе пополненного типа (XIII в.) она уже читается. Ее обработка «указывает на домонгольское время, когда еще не были разорены окончательно Киев и его область». Исследователь замечал, что и язык сказания «этого не опровергает» (322). Примером служили эпитеты *благочестивый* и *честной*, использованные книжником для создания образа Владимира I. Ученый говорил, что подобные определения (в отличие, например, от слов *святой* или *блаженный*) употреблялись по отношению к князю именно до нашествия Орды и добавлял: «Приходится настаивать на тонкостях эпитета в силу идейного смысла статьи, противопоставлявшей “проявление крещения” крещению фактическому» (322).

Время появления легендарного рассказа в «Повести» также являлось причиной споров. «Была ли, на самом деле, легенда об апостоле Андрее в составе ПВЛ, и даже не в основной редакции... памятника?» (322). А.Д. Седельников ответил на этот вопрос, вступив в полемику с академиком А.А. Шахматовым, включившим древнее сказание в текст Несторовой редакции «Повести» (1111 г.). Автор «Славии» называл известие о путешествии апостола Андрея «едва ли не очевидной» позднейшей вставкой (322), не разделял точку зрения Шахматова на датировку летописной версии легенды и заключал: «Совершенно ясно ее отсутствие в своде 1111 г.» (323). Аргументы Седельникова: а) «осведомленность составителя» «Повести» о «небытии на Руси апостолов»; б) «собственный комментарий» летописца к «одному из использованных им источ-

ников – к Сказанию о грамоте словенской». Нестор, по мысли ученого, «не упускал случая прямо или скрыто высказать мысль, что апостолы на Руси не бывали» (323) и не стал бы противоречить самому себе, помещая в «Повести» легенду об Андрее Первозванном.

Кроме того, в пояснениях к Сказанию о словенской грамоте летописец называл учителем-апостолом славян (следовательно, и Русской земли) Павла, а не Андрея. Это не значит, однако, что святой Павел бывал на Руси. По мнению Седельникова, две последующие редакции «Повести» христианского сказания об апостоле Андрее также не содержали: «Тенденциозный пересмотр Несторовой “Повести” игуменом выдубицким Сильвестром (1116 г.) и новая переработка Сильвестровской редакции (1118 г.) оставляют в полной неприкосновенности как комментарий Нестора к Сказанию о грамоте, так и другие места летописного текста о небытии на Руси апостолов» (323).

Исследователь считал, что легенда об Андрее «вошла... в состав *Летописи не позже последней четверти XII века*» (324) и не раньше 60-х годов этого столетия, и указывал на причину, по которой именно в данный период понадобилось сделать вставку в древнейший русский летописный свод – «перевес Суздальско-Владимирской Руси» (325). «Там сосредоточивалась государственная власть, там шли хлопоты об учреждении независимой от Киева митрополии, туда из Киевщины переходила церковная святыня, – так ученый-медиевист описал постепенное возвеличивание Владимиро-Суздальских земель и угасание Киева и точно сформулировал предназначение сказания об Андрее Первозванном в подобном историко-политическом контексте. – Литературно защитить Киев, при помощи авторитета “Повести временных лет” – вот... цель летописной обработки легенды» (326). Она была направлена «по адресу... Андрея Боголюбского» – «первого из великих князей, не жившего в Киеве, не признававшего его за столицу, унижавшего его в церковном и государственном отношениях» (326).

Опираясь на выводы Седельникова, подведем краткий итог. Почему сказание об Андрее Первозванном не вошло в состав трех знаменитых редакций (1111, 1116 и 1118 гг.) и позднейших списков «Повести»? Нестор полагал, что апостолы никогда не посещали Русь, а учителем славян считал Павла. Кроме того, легенда, по мнению летописца, могла косвенно указывать на «зависимость русской церкви от Византии» (325). Составители летописи стремились подчеркнуть: у славян есть свой апостол – Павел. К тому же, «после 1118 года летописная деятельность в Киеве затихает, продолжается лишь в виде погодной записи, и то ведомой нерегулярно» (324).

Каковы причины и предпосылки включения сказания в «Повесть» в последней четверти XII века? «Зависимость русской церкви... от царьградского патриарха» заслонилась внутривосточными вопросами.

В Киево-Печерском монастыре в это время «вспыхнула энергичная литературная работа» (325), связанная с пересмотром многочисленных сводов, что также явилось благоприятным условием для вставки в летопись нового фрагмента.

Определив генеалогию и соотносительную хронологию трех редакций сказания о посещении Андреем Руси, А.Д. Седельников сравнил летописную обработку легенды с ее основным источником – греческим циклом «Деяний» апостола (VIII–X вв.). Сюжет о путешествии святого по северному побережью Понта прошел, по мнению ученого, стадию устного развития (при передаче от рассказчика к слушателю), претерпев ряд существенных изменений.

Исследователь выделил два мотива, не знакомых «Деяниям», но встречающихся в «Повести». Во-первых, мотив самоистязания, связанный с описанием новгородских бань, которое, разумеется, также не входило в греческий цикл. Седельников считал, что рассказ о том, «како ся мыют и хвощутся» новгородцы, отражает мысль об их трудной христианизации и хранит следы летописного сказания о палице Перуна. Ученый пересказал его сюжет с опорой на древний источник: «Когда низверженный идол плыл по Волхову, он бросил на великий мост свою палицу. “Ею же ныне безумные убиющеся, утеху творят бесом”» (330). Известие о банях и самобичевании новгородцев не вошло и в последующие редакции легенды об Андрее (проложный вариант и версию сборников): оно не отвечало их главной цели – прославлению святого.

Во-вторых, летописным дополнением к циклу «Деяний» исследователь называл сообщение о том, что апостол направлялся в Рим, и добавлял: «Мотив этот совершенно чужд как древнейшим, так и поздним сказаниям об Андрее, как принятым в церковном обиходе, так и апокрифическим» (330). Почему апостол – учитель Византии и Руси, православного мира – идет в католический Рим? Седельников ответил на этот вопрос так: «Факт... диаметрального расхождения с традицией “Деяний” может быть понят лишь в свете борений с греческими корнями легенды». Сопrotивляясь византийскому влиянию, летописец направил Андрея не в Царьград, а в Рим, «как в центр деятельности апостолов» (331).

Фрагмент «Повести», содержащий известие о посещении Андреем Первозванным Руси, о благословении киевских гор, о новгородских банях, хождении в Рим, Седельников сравнивал не только с древними греческими и византийскими источниками, но и с памятниками средневековой европейской литературы. Выводы, к которым пришел исследователь, заслуживают внимания: «У летописной редакции легенды есть одна любопытная, хотя и поздняя, параллель» (332). Ученый обнаружил ее в латинской компиляции XVI века «*Livonicae historiae compendiosa series*», написанной католическим священником, пробстом феллинской церкви Дионисием Фабрицем. Обратимся к отрывку «Истории Ли-

вонии», повествующему о жизни монастыря Фалькенау под Дерптом, в пересказе Седельникова: «Монахи жаловались на плохое житье, сообщали о том, как скудно они едят и пьют и как подвизаются каждую субботу: напив «*hurosaustum*» (парную. – А.Ж.) до того, что едва мог выдержать человек, и раздевшись, бичуют себя прутьями и обливаются холодной водой. Когда папа прислал агента для расследования дела на месте, то его после недельного скудного питания... в субботу повели в баню и стали там парить... Брат-итальянец не выдержал и выскочил из бани... Прибыв в Рим, он передал папе все на себе самом испытанное, о необыкновенном, аскетическом житии, какое ведут фалькенаусские монахи» (332-333). Этот сюжет Д. Фабриций взял, по собственному признанию, «из достоверного источника», который, однако, средневековым автором не называется.

Седельников говорил не просто об «удивительной близости» мотивов, но и об очевидном влиянии русской версии, представленной в «Повести», на рассказ, включенный в сочинение Фабриция. Гипотеза А. Седельникова такова: летописная легенда об апостоле Андрее могла попасть в Ливонию через членов ордена святого Доминика, которые в первой половине XIII века вели свою деятельность на Руси и на Ливонских землях, где ее и отыскал Дионисий Фабриций. То, что тот был знаком с текстом сказания, исследователь не подвергал сомнению и приводил различные доказательства: 1. Похожи как сообщения о самоистязании, так и о хождении в Рим, «где узнают о необыкновенном... обычае»; 2. «Небытовое чисто, скорее литературно-бытовое происхождение фабрициевской версии», ведь «мытье в бане воспрещается обычно монастырскими уставами, и трудно думать, чтобы оно являлось здесь бытовым фактом монастырской среды». Это именно *литературная* параллель; 3. «Миссионерство католиков никогда не брезговало литературным подспорьем... Не подлежит сомнению, что легенда об ап. Андрее была в центре внимания миссионеров, а в неприязни к византийскому ее облику они должны были сходиться... с южно-руссами XII века» (333-334). Вывод: существует «широкая возможность связи ливонского монастырского предания с Киевом» (325).

Необходимо сказать и о научной преемственности, нашедшей свое отражение в трудах исследователя. Полемизируя порой с суждениями А.А. Шахматова, Седельников – несмотря на это – активно использовал разработанный академиком метод сравнительно-исторического анализа древних текстов, что позволило прийти к результатам, описанным на страницах «Славии». К слову, статья посвящена «незабвенной памяти акад. А.А. Шахматова», которого автор, без сомнения, считал своим учителем.

Остается отметить еще одну любопытную деталь: у работы А. Седельникова есть подзаголовок пояснительного характера: «Читано

21 марта 1923 года в подсекции древней русской литературы (Научно-исследовательский институт, Москва) и 10 июня 1923 года в Славянской комиссии Московского археологического общества». Почему же ученый выступил с докладами в Москве, а их материалы – под общим названием – издал в Праге? Возможно, публиковать исследования, посвященные агиографии – житиям святых, христианскому апостолу, черноризцам, истязавшим себя во имя веры, церквям, строящимся во славу Господа, крещению Руси и т.п., в 1920-х годах в СССР стало уже проблематично. А Русская Прага в целом и журнал «Slavia» в частности оставались той филологической площадкой, которая была открыта и для ученых-эмигрантов, и для советских медиевистов – жителей метрополии. Кстати, все поступавшие рукописи редакция «Славии» издавала на языке оригинала практически без правки. Статья Седельникова, например, напечатана с использованием старой, дореволюционной русской орфографии, что служит поводом для размышлений о том, как позиционировал себя исследователь, к какой научной школе (и шире – к какой эпохе) он относился. Со «Славией» А.Д. Седельников продолжал сотрудничать на протяжении двадцатых годов XX века. Так, в шестом выпуске журнала была опубликована его работа, посвященная стригольникам, в восьмом – статья о проблемах методологии в медиевистике, а в девятом – короткая заметка о «Задонщине» [6].

Таким образом, статья в журнале «Славия» не осталась незамеченной. Оставил свой след в медиевистике ее автор. Продолжая традиции школы Шахматова, А.Д. Седельников сам разработал определенные методы исследования древних памятников (сопоставление текстов, разных в жанровом и стилевом отношении, написанных в различные эпохи; поиск параллелей в иноязычных, латинских и греческих, литературных источниках, средневековых хрониках и компиляциях; привлечение исторического и географического материала и др.). С выводами ученого можно не соглашаться. Однако несомненным остается то, что его работа стала примером комплексного, полифункционального анализа фрагмента летописного произведения – образцом для многих филологов.

Отсутствие прямых ссылок на статью Седельникова в трудах советских медиевистов объясняется трагической судьбой сотрудника Исторического музея: десятого февраля 1934 года он был арестован по так называемому «Делу славистов» (сфабрикованному ОГПУ против представителей старой интеллигенции) и скончался через три месяца, четвертого мая, в Бутырском изоляторе Москвы. А в 1937 году в журнале «Византинославика» появилась заметка «Мотив о рае в русском средневековом прении», подписанная Александром Седельниковым [7]. Как оказалась она в Праге? Кто переправил работу репрессированного ученого за рубеж? Очевидно, те, кто дорожил памятью о «талантливом, но рано умершем исследователе древней русской литературы»...

Литература

1. *Лихачев Д. С.* Текстология. СПб., 2001.
2. *Ашин Ф. Д., Алпатов В. М.* Дело славистов: 30-е годы. М., 1994.
3. *Седельников А. Д.* Древняя киевская легенда об апостоле Андрее // *Slavia*. Ročník III, sešit 2 a 3. Praha, 1924. В круглых скобках указаны номера страниц этого издания.
4. Повесть временных лет. Изд. 3-е. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии *Д. С. Лихачева*. Под редакцией *В. П. Адриановой-Перетц*. СПб., 2007.
5. *Васильевский В. Г.* Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу // *Труды*. СПб., 1909. Т. 2.
6. *Седельников А. Д.* Псковские писцы XIV века и фольклор // *Slavia*. Ročník VI. Praha, 1927. *Он же*. Несколько проблем по изучению древнерусской литературы. Методологические наблюдения // *Slavia*. Ročník VIII. Praha, 1929–1930. *Он же*. Где была написана «Задонщина»? // *Slavia*. Ročník IX. Praha, 1930).
7. *Седельников А. Д.* Мотив о рае в русском средневековом прении // «Byzantinoslavica». Roč. 7. Praha, 1937–1938.

МГУ им. М. В. Ломоносова